

Десантник — Соколовский Фроим Шнеерович

Добавлено: 01.05.2012 – 12:27

Я родился 4/1/1925 в городе Богуслав Киевской области. В 1933 году семья переехала в город Белая Церковь. Мой отец был советским работником. В 1938 году его арестовало НКВД, но через короткое время отца выпустили из тюрьмы. Он рассказывал, как его били следователи целую неделю подряд, устраивая только короткие перекуры, требуя, чтобы он подписал протоколы фальшивых показаний. В 1941 году я окончил 7 классов школы. Через месяц после начала войны мы эвакуировались в Сталинград, Там я учился в школе ФЗО (фабрично — заводского обучения). Голодуха...

В 1942 году с приближением немцев к Волге нас эвакуировали в Казахстан, в Актюбинскую область. Пошел работать токарем в МТС. Смены по 12 часов, помещение не отапливалось. Начались морозы, степь завалило снегом, а у меня из всей одежды — старый пиджак и брюки, да легкие парусиновые туфли. В ноябре сорок второго я доехал 80 километров до Актюбинска, пришел в военкомат и стал проситься добровольцем в армию. Мечтал об авиации, и попросил направить меня в летное училище, но работники военкомата сразу «отрезали» — «Куда надо, туда и пойдешь!». С группой добровольцев меня привезли в Уральск, где размещалось в войну Одесское пехотное училище. Проучились почти 5 месяцев, наш курс был ускоренным, но в конце марта 1943 года наш курс был расформирован, всем курсантам присвоили звание младших сержантов, и мы ожидали скорой отправки на фронт, в действующую армию. Отобрали по списку примерно 200 человек, погрузили в теплушки и повезли на запад. Думали, что едем на фронт, но один из сопровождавших нас офицеров — «покупателей» проболтался в дороге, мы отобраны для службы в ВДВ и направляемся в город Кержач, на место формирования воздушно — десантной бригады.

— Как бывшие курсанты восприняли такую новость?

— Спокойно восприняли, многие даже радовались. Мы тогда еще плохо представляли, что такое десант, и «с чем его едят». Но в принципе, нам было все равно где бить врага, в пехоте на передовой, или, падать десантом с неба во вражеский тыл. Мы все были молодыми патриотами, и тогда стремились побыстрее вступить в схватку с врагом. Привезли нас на формирование 17- ой воздушно десантной бригады. Чуть позже в Ступино прибыл еще набор из курсантов Краснохолмского пехотного училища, несколько сотен человек, и нас начали распределять по батальонам. Я попал в пулеметную роту 2 -го воздушно — десантного батальона бригады, первым номером в расчет пулемета «максим».

— В десантные войска существовал какой-то строгий отбор или просто, сразу, «целыми училищами загоняли в десантные бригады»?

— Не всегда «загоняли училищами», но в принципе, курсанты — пехотинцы всегда являлись отборным человеческим материалом во всех аспектах — от преданности Родине до физического состояния, и я думаю, что решение формировать десантные части на «курсантской» основе было мудрым. Но не всегда в бригады ВДВ, как тогда говорили — «в личный резерв товарища Сталина», попадали только комсомольцы с «чистыми анкетами». Параллельно с нашей бригадой шла

формировка еще нескольких новых воздушно- десантных бригад. Возле Белых Столбов формировалась 4-ая бригада ВДВ. Треть бригады составляли бывшие курсанты военных училищ, треть — кадровые моряки Тихоокеанского флота , еще довоенного призыва, и треть — заключенные из Якутии. В лагерях отобрали молодых уголовников, подходящих по здоровью для десанта, и прислали тысячу с лишним зеков на службу в ВДВ. Десантник Евгений Подольный служил в роте ПТР в 4-ой бригаде, и если хотите, я могу вас с ним связать, и он сам вам все подробно расскажет о этой бригаде.

— **С чего началась подготовка будущих десантников?**

— Сразу занялись изучением конструкции парашюта и правил его укладки. Уже через десять дней начались учебные прыжки с аэростата . Поднимали «колбасу» всего на 400 метров, а иногда и ниже, хотели успеть пропустить всех десантников через «прыжковый конвейер». Многих «колеблющихся» просто выталкивали из корзины аэростата, но мне хватило духа сделать первый прыжок без помощи пинка «вышибалы» — инструктора. Сделали по 5 прыжков с аэростата, потом начались десантирования с самолетов «Дуглас». Говорили, что будем прыгать с 2.000 метров, но почти всегда нас выбрасывали с высоты меньше полутора километров. Прыгали много, я сделал примерно 25 прыжков.

— **Как поступали с «отказчиками»?**

— «Отказчиков» выталкивали из самолетов, а тех, кого не смогли вытолкнуть или убедить, что прыгать надо — отправляли «через трибунал» в штрафные роты. Но «отказчиков» было мало, все-таки в десант набирали хороших ребят, смелых, крепких, грамотных , сильных духом. За свою жизнь, у нас, по молодости лет, мало кто «цеплялся и дрожал». В десанте, вообще, любой разговор был коротким. Дисциплина жесточайшая. За «самоволку» или драку — трибунал, за любую мелочь, будь то пререкание со старшим по званию или невыполнение самого пустякового приказа — штрафная рота. И когда я сейчас вам это говорю, то не сгущаю краски. Так было на самом деле.

— **Вы были пулеметчиком. Как «десантировался» пулемет «максим»?**

— В специальном десантном грузовом мешке, пулемет был разобранным на части. В мешок еще вкладывали 2 коробки с лентами, на 250 патронов каждая. Мешок с пулеметом выталкивался с «Дугласа» перед нами, а потом мы прыгали. Расчет пулемета, состоял из 3-х человек, и, кстати , личного оружия не имел. Бойцы расчета имели при себе только по две гранаты Ф-1, ножи десантника и саперные лопатки.

— **Что вменялось расчету в обязанность после приземления?**

— Найти парашют с пулеметом и привести «максим» в боевую готовность. На это отводилось по уставному нормативу ровно полторы минуты. А если расчет не находил свой пулемет, даже на тренировочном прыжке, то его ждал трибунал. Исключений ни для кого не делали.

— **Какую-то специальную подготовку пулеметчики — десантники проходили?**

— Да. Были занятия по «специальным дисциплинам» и во время формирования, и позже, на переподготовке. В Звенигороде было десантное училище, и нас туда посылали на два месяца. Учили рукопашному и ножевому бою, ориентированию. Но, например, у нас не было курса по минно-подрывному делу. Нас очень хорошо научили убивать врага.

— **Кто командовал Вами? Кто входил в Ваш пулеметный расчет? С кем дружили?**

— Батальоном командовал капитан Сохненко. Селй комбат, но... Очень жестокий был человек... Но в 1946 году, он вдруг подобрел по отношению ко мне, и даже не препятствовал, когда от

командования полка я получил отпуск на родину. Были дивизионные «соревнования», ночные стрельбы пулеметчиков. Из 48 расчетов только мой расчет поразил все цели, и комбат объявил о поощрении за отличную стрельбу, и даже говорил со мной как с человеком. А до этого... Командовал нашей ротой старший лейтенант Фаттахов, попавший в бригаду после госпиталей. Ротный уже успел повоевать, был ранен. Прекрасный человек и боевой командир. По национальности он был татарин. Командиром нашего пулеметного отделения был Вася Юматов, парень из Ярославской области. Моим вторым номером, был Ананий Тимофеевич Павлюк, украинец, родом из под Хмельницкой области. Дружил я с нашим санинструктором Сеней Середницким, сейчас он живет в Кургане. Семен спас мне жизнь в апреле 1945 года, когда вытащил меня тяжелораненого из -под немецкого огня. Дружил с Васей Артамоновым, он погиб в начале мая 1945 года. Но мне не довелось хоронить своего боевого товарища, я тогда в госпитале лежал. Тогда же погиб мой друг Трояновский, родом из Пятигорска. Он мечтал стать после войны летчиком. Он, уже раненый, лежал на телеге и ждал отправки в санбат, как налетели немецкие самолеты, и его убило во время бомбежки. Выжил на войне мой близкий друг, пулеметчик Василий Осиковский, кавалер двух орденов Славы, смелый солдат и умный человек. Был нашим ротным парторгом и в сорок третьем году давал мне рекомендацию при приеме в партию. Он призывался из Ташкента, и после демобилизации он вернулся в Узбекистан. Ушел из жизни пять лет назад.

— Несчастные случаи на учебных прыжках часто происходили?

— Как вам сказать. Нам объясняли технику безопасности при выброске на лес, или во время ночного десантирования. Здесь многое зависело от самого парашютиста. Прыжки с приводнением мы отрабатывали на озере, и внизу, в лодках, нас страховали товарищи. Но был случай, что один из нашей роты, расстегнул свой парашют, не долетев метров тридцать до поверхности озера ... и камнем ушел в воду. Раз в две недели мы проводили «пересбор» — снова проверяли укладку своих парашютов. Прыгали всегда с основным и запасным парашютами, и хоть и говорят, что «парашют надежен как валенок», а мне один раз пришлось воспользоваться запасным парашютом.

— Как кормили и одевали десантников во время подготовки в тылу?

— Кормили сытно , по «форме №5», часто давали рисовую и овсяную кашу с тушенкой, по двадцать грамм масла на человека в день. В обычных стрелковых подразделениях о таком пайке могли только мечтать. Одевали нас тоже неплохо. У многих были десантные шлемы, куртки и бушлаты. После того как на фронте нас стали использовать в качестве обычной пехоты, приказали сдать все обмундирование, «имеющее отношение» к ВДВ, но многие все равно оставили у себя шлемы и бушлаты, как в память о десанте. Сапоги во время прыжка привязывали к ноге кусками строп.

— Когда впервые части бригады были выдвинуты на передовую?

— В сентябре бригаду отправили на Украину к Днепру. Привезли в Сумскую область, разместили с парашютами в палаточном городке. Мы простояли там две недели, и дважды нам объявляли приказ о высадке, и дважды этот приказ отменялся в последнюю минуту. В конце октября нас вернули в Подмоскowie. Вы о трагедии «Днепровского воздушного десанта» что —нибудь слышали?

— Да, я встречался с участником этого десанта Лихтерманом из 3-й ВДБр.

— Ну, тогда в курсе того, что там произошло и понимаете, почему отменили выброску нашей бригады вслед за ними.

— **Какие чувства испытывали десантники, узнав об отмене ожидаемой высадки во вражеский тыл за Днепр? Каким было настроение?**

— Да в основном мы были все рады, что высадка не состоялась, и что мы остались живы. Мы же прекрасно знали, какая «кровавая баня» и бойня нас там ожидают... Осенью сорок третьего, мы уже немного поуменьли, и помирать никто из нас особо не торопился... Начиная с мая 1943 года, из бригады часто отбирали группы десантников, для выполнения диверсионных заданий в немецком тылу. Ни один из них живым назад в бригаду не вернулся. Так что нам весь расклад был ясен до предела.

— **Где бригада приняла свой первый бой?**

— В феврале 1944 нас вновь привезли на Украину. Мы заняли оборону во внешнем обводе Корсунь — Шевченковского окружения. Перед этим поступил приказ сдать все парашюты, и с того момента, мы только формально числились десантниками, а воевали как простая пехота. Нас влили в состав бывшей дивизии ВДВ. Ожесточенные бои на нашем участке шли четверо суток. Немцы предпринимали в день по пять атак, атаковали в лоб, шли на нас «тараном» после massированной артподготовки. На третий день боя меня ранило. Пуля попала в плечо. Меня отвезли в наш санбат. Только поменяли повязку, как пришли машины за тяжелоранеными. Попросили помочь с погрузкой. Мы помогли, а нам говорят — «Садитесь в кузов, там разгружать некому». Проехали по разбитым дорогам 15 километров, попадаем в армейский госпиталь. Машины ушли, а мы, легкораненые, застряли в этом госпитале. Врачи мою рану осмотрели и решили меня отправить дальше в тыл. Но я не хотел расставаться со своими ребятами, и через день сбежал из госпиталя в свой батальон, который как раз в этот момент снимали с передовой на переформировку.

— **За три дня боев бригада доводилась до такого состояния, что ее были вынуждены отвести на переформирование?**

— Бои были очень тяжелыми. Мы потеряли больше 70 % личного состава.

— **Что происходило на переформировке?**

Соколовский крайний слева с орденовскими планками, стоит

— Ничего особенного, отошли от линии фронта, но, как ни странно, окопались по полному профилю. Отличившимся в февральских боях десантникам, вручили награды, я получил свою первую медаль «За Отвагу». Пришло пополнение. Весной 1944 года нас несколько раз поднимали

по тревоге, перебрасывали к передовой, но в бой мы не вступали. Но летом мы уже наступали в Румынии, вошли во вражескую оборону как нож в масло. Из Румынии нас направили в Белоруссию в район поселка Марьины Рощи, вывели в резерв Ставки ВГ. Мы там считались частью 12-ой дивизии ВДВ. Сюда стягивали несколько десантных бригад — 14-гв. ВДБр, 15-ая гв ВДБр.... Парашюты нам не вернули. Мало кто из прибывших десантников уже имел боевой опыт. Но было подкрепление из солдат — фронтовиков, вернувшихся после лечения в госпиталях. В пополнении не было украинцев с освобожденных оккупированных территорий, мы продолжали считаться элитой, гвардией, как тогда говорили — «полками пролетарской крови». Иногда нас группами по 15-20 человек посылали на прочесывание лесов, вылавливать бывших полицаев и «власовцев», скрывавшихся в глухих лесных массивах. Здесь мы простояли несколько месяцев, до зимы 1945 года. Вскоре нам объявили, что из наших десантных бригад здесь, в Белоруссии формируется по приказу Верховного 9-ая Гвардейская Воздушно — Десантная Армия под командованием генерал — полковника Глаголева. Наш батальон стал частью 345-го гвардейского стрелкового полка 105-ой гвардейской СД 38-й СК. Большую часть полка составили десантники из 14-ой гв. ВДБр. Дивизией командовал Герой Советского Союза Денисенко, а нашим полком — полковник Мокшин, после него был полковник Котляров. До середины января в дивизии постоянно проходили боевые учения. А потом мы отправились на фронт. Погрузились в эшелоны, приехали в Польшу. Ждали приказа. А потом снова переброска, уже в Венгрию. Выгрузились, сделали марш километров на 250, и вступили в бой ...

— В отражении немецкого танкового удара в Венгрии в начале 1945 года Ваш полк принимал участие?

— Принимал, не то слово... Пулеметы ставили рядом с артиллерийскими орудиями. Артиллеристы били по танкам, а мы стреляли по танкистам, покинувшим свои подбитые или горящие боевые машины, и отсекали мотопехоту.

— Я в трех разных источниках прочитал, что за бои на Балатоне Вас представляли к званию Героя Советского Союза. Это верно?

— Был такой эпизод в моей биографии... Целый год потом провел « в ожидании указа».

— Расскажите об этом подробнее.

— Батальон занял позиции на господствующей высоте. Закрепились, подготовили позиции, приготовились к бою. А потом немцы начали массированный артобстрел, артподготовка длилась очень долго. Немцы пошли в атаку. Против нас воевали части СС, а эти «хлопцы» воевать умели не хуже нас. Крепко нас придавили... Все с высоты побежали. Не удивляйтесь, и десантники иногда отходили без приказа. А я со своим вторым номером Павлюком остался на позиции. Подпустил немцев метров на тридцать и «рубанул» по ним из пулемета от всей души. Потом, после боя, перед моей позицией насчитали пятьдесят немецких трупов. Немцы отошли. Я успел поменять позицию, и тут они полезли во вторую атаку. Снова отбились. Отправил к праотцам еще двадцать одного немца. Наши поняли, что высота держится, и потихонечку все вернулись в свои оставленные в панике траншеи. Пришел командир полка вместе с начштаба Баляцким. Посмотрел на поле боя, ему доложили количество убитых немцев перед моими позициями. Комполка приказал — «Соколовского представить к Герою, второго номера к Красному Знамени!». На следующий день меня вызвали в штаб дивизии. Там со мной беседовали два полковника: начальник штаба дивизии Попов и начальник политотдела дивизии. Я зашел в дом, они мне дали попить, спросили, хочу ли я покушать. Я сказал, что не голоден. Долго расспрашивали об обстоятельствах боя, о моей прежней воинской службе, интересовались моим происхождением. А потом заполнили наградной лист, представление на звание Героя. Комдив Денисенко его подписал в тот же день. Я вернулся к себе в роту, но вести о том, что сержант Соколовский, считай, что уже Герой Советского Союза быстро прилетели в батальон. И как говорится, «народ ко мне

потянулся»... И все... Ни слуху, ни духу... Кончилась война, дивизия в 1946 году вернулась в Россию. Но в батальоне еще служили многие ребята, выжившие в балатонских боях. И начали они меня «накручивать», мол, обратись к начальству, выяснив чем дело, а то и смех, и грех, все сроки прошли. Приезжает к нам как-то с проверкой наш начштаба дивизии, полковник Попов. Я, конечно немного смущаясь, обратился к нему — «Т-щ полковник, что там с моим представлением к званию? Вы его вроде лично заполняли». Он сразу — «А...Соколовский твоя фамилия? Я все выясню». А через неделю, мне вручают перед строем орден Красной Звезды. Мой ротный Фаттахов решил выяснить, в чем все — таки дело. Вернулся из штаба дивизии и рассказал, что со слов штабных, мой наградной лист еще в апреле сорок пятого года не подписал командующий фронтом, начертав на реляции следующую резолюцию — «Командиру дивизии — наградить своей властью!». Вот и вся история...

— **Сильно переживали такой финал?**

— Тогда было немножко, а сейчас нет. Если бы вы об этом сейчас меня не спросили, я бы и не говорил на эту тему.

— **Но тот же бывший начштаба Вашей дивизии полковник Илларион Григорьевич Попов, в одной из своих книг , посвященной участию десантников 9-ой Гвардейской Армии в войне, «И на Влтаве свой закончили поход», дважды в тексте приводит примеры героизма старшего сержанта Соколовского в боях на венгерской и австрийской земле. Вот, например, рассказывается, как Вы лично ДОТ гранатами подорвали. Как это произошло?**

— Это где-то в середине марта было. Втроем: я, Дмитриев и Гайнулин, ворвались первыми на высоту, выбили немцев из траншеи. Смотрю, а на соседней высотке замаскированный ДОТ. Немцы из него огонь не ведут, ждут, когда наши подойдут поближе. И ДОТ этот был так удачно расположен, сектор обстрела прекрасный, вся долина как на ладони, что из него могли очень много наших ребят уже первыми очередями положить. Где ползком, где перебежками обошли эту высоту. Нарвались на немцев. Убил двоих из автомата. Прополз еще к ДОТу метров двадцать, и бросил сбоку противотанковую гранату прямо в амбразуру. Все получилось удачно.

— **Какие бои для Вас самые памятные?**

— Трудно выделить еще какой-то особый бой. Ведь от Балатона до Вены мы шли с боями без передышки. Очень тяжелые бои были, когда брали венгерский город Папа и на реке Раба. В начале апреля штурмовали, уже в Австрии, мосты в районе Тульны, так там погибли многие мои товарищи. Тяжелейшие бои, словами очень трудно будет передать, что там творилось. Можно рассказать как два батальона полка, наш и Рыбакова, захватили в австрийском городе Пресбаум аэродром с 30 -ю исправными немецкими самолетами. Пришлось один раз увидеть, после перехода венгерско-австрийской границы в районе города Шапрон, и брошенную немцами колонну танков, примерно 60 танков и самоходок. У них кончилось горючее и видимо на исходе были боеприпасы, так немецкие экипажи просто оставили свои танки и сбежали. Мы ликовали, когда нам в руки попались целыми эти танки. О многом еще можно рассказать.

— **Вы , сказали, что в середине апреля 1945 года Вас снова ранило. Как это случилось?**

— В Австрии. Наш взвод нарвался на немецкую засаду в лесу. Немцы подпустили нас метров на десять, и тут началось. Я успел кинуть в немцев «лимонку», и в то же мгновение рядом со мной разорвалась немецкая граната. Мне большой осколок попал в голову, а мелкими осколками посекло все тело. Каски нам не выдавали, так что осколок прочно засел в моей голове. Первые две недели после операции в госпитале, из ушей постоянно шла кровь, но понемногу оклемался, и потом «сбежал» из госпиталя к своим ребятам. Вернулся, а многих уже нет в живых... Мы же

совсем молодые и «зеленые» были, многие себя не жалели, все время сами лезли на рожон, в самое пекло боя. Из тех, с кем я начинал службу в десанте в 1943 году, к концу войны мало кто остался в живых...

— Сам факт, что Вы когда — то служили и воевали в прославленном 345 -м десантном полку является предметом Вашей гордости?

— Безусловно. Не бывает «бывших десантников», я всегда гордился своей службой в ВДВ. Десант — это судьба. И самой главной наградой для меня является удостоверение ветерана ВДВ подписанное лично легендарным генералом — десантником Василием Маргеловым. И когда наш 345 -й гвардейский парашютно — десантный полк девять лет воевал в Афганистане, а потом четыре года нес боевую службу на Кавказе, я твердо знал, что молодые ребята — десантники не подведут свою Родину, и будут достойны памяти своих отцов и дедов, памяти десантников военной поры, смело шедших в бой на фашистского врага.